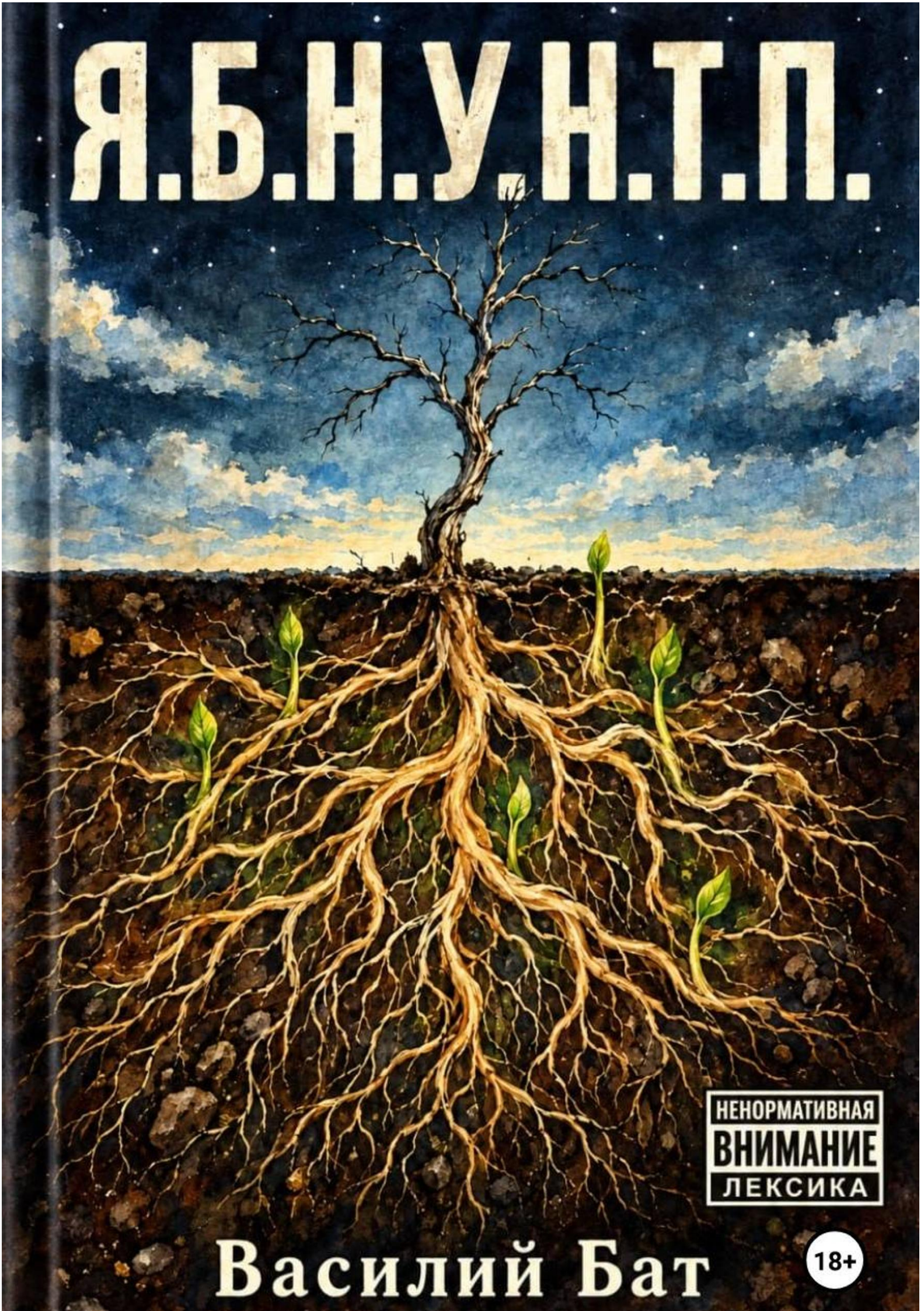
Я.Б.Н.У.Н.Т.П.



НЕНОРМАТИВНАЯ ЛЕКСИКА

ВНИМАНИЕ

18+

Василий Бат

Василий Бат

Я.Б.Н.У.Н.Т.П.

«Автор»
2026

Бат В.

Я.Б.Н.У.Н.Т.П. / В. Бат — «Автор», 2026

На заре двадцать первого столетия жизнь в провинциальном городе, также как и во всей стране, после разрухи девяностых, постепенно налаживается. Женщина с дочерью-инвалидом медленно умирает, делая жизнь людей вокруг себя лучше.Драма о людях, которые в тяжелых жизненных ситуациях все равно остаются людьми. И о Боге.

© Бат В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Я Боюсь Не Успеть На Твои Похороны 6
Глава 1 7
Глава 2 17
Глава 3 27
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Василий Бат
Я.Б.Н.У.Н.Т.П.

Все события, описанные в книге, являются творческим вымыслом автора. Автор не призывает к аморальному поведению и действиям, нарушающим законодательство Российской Федерации. Персонажи и их действия не имеют ничего общего с объективной действительностью.

Василий Бат

Я Боюсь Не Успеть На Твои Похороны

Глава 1

Эта незатейливая история могла произойти где угодно, но произошла в обычном, среднестатистическом, провинциальном городе нашей необъятной страны на заре XXI века.

Около полудня, в одном из захолустных уголков города, ехал старый трамвай чешского производства выцветшего желтого цвета с широкой красной полосой по кругу и большой вмятиной возле передней двери. День был будний. Стояла ранняя весна. На замусоренных клумбах таял спрессованный черный снег. Грязная вода протекала в щели потрескавшихся бордюров и заполняла выбоины на дорогах, в некоторых местах, еще обремененных остатками асфальта, а возле рельсов скапливалась в лужи. В образовавшихся водоемах плавали перезимовавшие листья деревьев и сигаретные окурки. Трамвай, скрипя и звеня колесами, пробирался между остатками зданий и заборов некогда крупного завода, среди облезлых гаражей, покрытых рисунками и надписями, вдоль полуразвалившихся, но все еще обитаемых бараков. В салоне трамвая, среди изрисованных и поцарапанных, не то ключом, не то ножом, панелей обшивки, на изрезанных дерматиновых сиденьях сидело несколько человек. Впереди находилась молодая девушка с дочерью. В середине что-то бурно, но заговорщически тихо обсуждали две грузные женщины средних лет, базарного вида, с баулами на коленях. В задней части сидел и нервно перебирал губами мужчина преклонного возраста в засаленном овечьем тулупе и старой черной шапке из заячьего меха, зажимая между ног кривую трость. Кроме пассажиров, в салоне трамвая находилась кондуктор, женщина сорока шести лет, с усталым, изможденным лицом, красными, воспаленными глазами и темными синяками под ними. Кондуктора звали Тома. Раньше, когда она работала в бухгалтерии на судостроительном заводе, к ней обращались с уважением и называли по имени и отчеству – Тамара Васильевна. Сейчас же отчество при обращении к ней не использовали. Даже люди из начальства, когда хвалили, довольствовались «Тамарочкой» или «Томочкой», ну а когда отчитывали, обычно ограничивались «Томкой», после чего использовали матерное междометие. Женщина сидела на своем, кондукторском, месте, засунув морщинистые руки в карманы стеганой жилетки, надетой поверх коричневой водолазки, и, о чем-то задумавшись, смотрела в пол. Тамара была среднего роста и средней внешности, но не была лишена природной женской красоты. У нее были неплохие темные волосы до плеч, собранные в хвост, аккуратный, игриво приподнятый острый носик и большие губы.

За окном тянулись серые декорации, накрытые свинцовым, безучастным небом. Водитель объявил остановку, и трамвай остановился возле изуродованной лавочки, залитой в бетон, вблизи разрушенной проходной заброшенного предприятия. Двери со скрежетом открылись. С улицы в салон влетел весенний холодок. Тома съежилась и повернулась в конец трамвая. Через заднюю дверь в салон зашел крупный мужчина, еле стоящий на ногах. Запах многодневного перегара проник в трамвай вместе с ним. На мужчине были черные зимние ботинки, темные брюки, грязные в районе колен, и старая армейская теплая куртка. Пассажир сказал громко что-то невнятное, кашлянул и плюхнулся на сиденье. Водитель объявил о закрытии дверей, назвал следующую остановку, и трамвай тронулся, застучав по рельсам. Тамара встала и пошла в сторону вошедшего мужчины. Он, в свою очередь, сидел, нелепо улыбаясь и задиристо смотрел на подходящего кондуктора.

— Оплачиваем проезд, — вытащив руки из карманов и растягивая катушку с билетами, висевшую на шнурке через шею, безразлично произнесла Тома.

Мужчина неуклюже раскинул руки на сидения и нахально развалился. У пассажира были крупные черты лица, густые, всклокоченные волосы, толстая шея и огромные ладони.

— Оплачиваем проезд, — немного громче повторила кондуктор.

— Че надо? — грубо выпалил мужчина, открыв рот и оскалив зубы, часть из которых отсутствовала.

Девушка с ребенком, сидевшая впереди, оглянулась, но, увидев габариты хама, поспешно спрятала глаза. Подобные ситуации давно стали для Тамары обыденностью. Они развивались по-разному, но заканчивались, как правило, одинаково. Такого рода субъект после долгих прений или платил за проезд, или его заставляли выйти на следующей остановке. Даже если сначала он отказывался выходить, под напором шантажа, что трамвай дальше не пойдет, и при участии возмущенных пассажиров, зайца удавалось вытолкнуть из трамвая.

— Оплачиваем, — потребовала кондуктор.

— Я тебе сейчас так оплачу, — рыкнул вошедший и дернулся вперед, ударяя кулаком в ладонь.

Тома немного растерялась и шагнула назад. Мужчина несуразно мотнул головой и опустил руки на сиденье. Кондуктор повернулась и пошла к своему месту, уселась и угрюмо уставилась в окно. Через пару минут водитель объявил остановку, и трамвай замер. Двери открылись. Холод ранней весны снова проник в салон. Тамара обернулась и посмотрела на безбилетника. Последний сидел в прежней позе, но опустив голову, и, казалось, уснул. Она встала и подошла к мужчине.

— Выходите, — неуверенно произнесла Тома, — или оплачивайте.

— Че? — сидевший поднял голову.

— Выходите, — повторила женщина.

— Хер тебе. Никуда я не выйду, — нахально произнес мужчина и рассмеялся на вдохе, широко раскрывая рот.

Кондуктор повернулась в сторону водителя и крикнула: «Дима, не закрывай двери, здесь человек не хочет оплачивать». Трамвай стоял. Женщины в середине салона прекратили разговор и стали поочередно оборачиваться.

— Мужчина, или оплачивайте, или выходите.

— Ты че, охерела, сука? — крикнул пассажир, резко встал и сделал шаг вперед.

Тамара машинально подняла руки к лицу.

— Кто выходите, я выходите? Ты кому, тварь, это сказала? — прорычал мужчина, вытянул руки и резко вцепился в шею кондуктора.

Тома замерла от неожиданности и ужаса, молча повернула голову в переднюю часть трамвая, вероятно, ожидая какой-то помощи. Глаза водителя пристально наблюдали за происходящим через зеркало заднего вида. Женщины, сидевшие в середине салона, быстро встали и поспешно отошли к двери. Девушка с дочкой тоже встала. Пальцы мужчины начали сжиматься. Тамара повернула голову и схватила его за запястье. Она смотрела в его звериные глаза и ощущала тошнотворный запах изо рта. Несколько секунд показались ей бесконечными.

— Отпусти ее! — донесся старческий голос из-за спины агрессивного пассажира. — Прекрати!

Пожилой мужчина в заячьей шапке схватил хама за правое плечо.

— Ты куда, бл…ь, лезешь? — повернувшись, безбилетник резко отпихнул пенсионера локтем.

Старик пошатнулся, повалился назад и, не успев поймать перекладину возле сиденья, с грохотом упал на заднюю площадку. Хватка нападавшего ослабла. Тамаре удалось вырваться. Она отошла, вероятно, пребывая в состоянии шока, уселась на место кондуктора, убрала руки в карманы, съежилась и замерла. Воцарилась тишина. Слышно было только, как хрипел упавший пожилой мужчина. Две женщины, прижимая баулы к ногам, и девушка, прижимая дочь к животу, молча стояли на передней площадке и не сводили глаз с происходящего. Раздался звук закрывающихся дверей. Тома вздрогнула и, будто выйдя из сна, оглядела салон. Пьяный мужчина продолжал стоять, держась за поручни, и смотрел на лежавшего старика.

«Дима, открой двери!» — крикнула кондуктор.

Прошло несколько секунд, и двери с треском открылись вновь. Женщины в передней части трамвая стояли и ждали продолжения. Все молчали.

— Ты че, не поняла? — нарушил тишину пьяный дебошир и бросился к Тамаре.

— Отойдите от меня, — вскрикнула кондуктор и прижалась к стеклу, прикрывая лицо руками.

Хам подошел ближе, схватил левой рукой Тому за волосы и потянул вверх.

— Вы что делаете!? — несколько раз умоляюще проговорила женщина, ухватившись за его предплечье.

Старик тщетно пытался перевернуться на живот, громко пыхтел и водил ногами по полу. Остальные, включая водителя, безучастно смотрели. Агрессивный пассажир, удерживая кондуктора за волосы, выкинул правую руку вперед и ударил женщину кулаком в нос.

— Аааай, — вскричала Тамара, отпустила предплечье нападавшего и закрыла лицо ладонями.

— На кого пасть раскрыла? — басом проговорил мужчина, встряхнул головой, словно отрезвев, и, поняв, что сделал, отпустил волосы Томы.

Он опустил руки, повернулся и с непонятным выражением лица некоторое время смотрел на лежавшего пенсионера. Внезапно агрессор несколько раз скорчился от рвотных позывов, со шлепком прикрыл рот рукой, огляделся по сторонам и, обнаружив дверь, неуверенной походкой вышел в нее. Дверь резко закрылась, и трамвай начал движение. Около минуты женщины на передней площадке стояли, не меняя положений. Кондуктор, зажав рукавом водолазки нос, подошла к пожилому человеку. Она помогла мужчине перевернуться на бок, потом на живот. Он подтянул колени и неуверенно встал, опираясь на поручень и руки Тамары. Женщина подняла и подала ему трость.

— Спасибо Вам, — прошептала Тома.

— Сильно он тебя? — с одышкой спросил дед.

— Нет, не сильно.

— Вот, возьми, кровь останови, — мужчина достал из кармана измазанный зеленкой носовой платок и протянул его кондуктору.

«Остановка трикотажная фабрика», — прозвучал голос водителя. Трамвай остановился. Двери распахнулись.

— Моя, — произнес пенсионер и, держась за поручень, направился к выходу.

Тамара помогла мужчине выйти. Двери закрылись. Она провела платком под носом и посмотрела на него. Платок был в крови. Нос и верхняя губа болели. Тамара повернула голову. Девушка с дочерью и две женщины снова сидели на своих местах, а в зеркале заднего вида торчали те же водительские глаза.

Остальное время смены кондуктор провела словно в трансе. Она больше не вставала со своего места, держала платок под носом и смотрела в окно. Тамара чувствовала себя беспомощной. Ей было жалко себя. Пьяный дебошир и кровь из носа не были причиной, а скорее поводом, чтобы осознать всю горечь своих невзгод. Последний раз женщина получала удар в лицо в далеком детстве. Это было в школе, и вполне случайно. Мальчик из класса на уроке физкультуры промахнулся по мячу и угодил ладонью маленькой Томе в переносицу. Кровь остановили, и ситуация разрешилась. Но самое обидное было то, что произошло все накануне приема ребят в пионеры. Из-за синяков под обоими глазами ее не пустили на линейку и вручили галстук в индивидуальном порядке, в отдельном кабинете, без зрителей. Тамара зла на мальчика не держала и даже какое-то время встречалась с ним уже в юношеском возрасте. Но после школы он уехал поступать в институт в другой город, и больше она о нем ничего не слышала. Как и в школьные годы, сейчас на агрессивного хама женщина не злилась. Случившееся обнажило старые раны, приподняло крышку над чаном с личным горем, где долгие годы вари-

лись одиночество, отсутствие крепкой опоры, нереализованные мечты, обиды, разочарования, безденежье, болезни и страхи. Страхи не справиться, не дотянуть, не смочь. Больно. Тамара потрогала языком верхнюю губу. Губа набухла и пульсировала. Кровь остановилась.

На предпоследней станции все пассажиры покинули салон, и трамвай направился в депо. Томе хотелось плакать, но плакать она не умела. Так уж вышло, что сколько Тамара себя помнила, она никогда не плакала, как бы больно и обидно ей ни было. Ни физическая боль, ни душевные страдания не доводили ее до слез. По характеру она была стойкой. Иногда она и сама не понимала, откуда, несмотря на всю безысходность, она находила силы все перенести и жить дальше. И жила дальше.

Трамвай заехал в парк. Смена закончилась. Кондуктор отнесла деньги и билеты, сдала бумаги, заполнила формы, потом вернулась и, макая веник в ведро с водой, подмела салон. Дойдя до комнаты отдыха, она повесила жилетку в шкафчик и принялась надевать потертое рыжее драповое пальто. В помещение вошел водитель трамвая – невысокий, полноватый мужчина с кривыми ногами и зачесанными на лысину редкими волосами.

— Может, ко мне поедем? — некоторое время понаблюдав, как Тамара надевает пальто, заигрывающе спросил вошедший.

Тома замерла и, подняв лицо, с недоумением посмотрела на водителя.

— Мне лицо разбили, если ты не заметил.

— Ну, не сильно же, — мужчина протянул руки к лицу Тамары, — уже и не видно.

Женщина сделала шаг назад.

— Ты думаешь, после всего этого я к тебе поеду?

— На пару часиков. Я потом тебя до дома…

— Знаешь, что, — оборвала водителя Тома, — иди в жопу.

— Че не так? Обиделась что ли?

— Мне пьяный мужик кулаком в лицо заехал, а ты, мудак, даже из своей будки не выполз, — с обидой и злостью произнесла женщина, — а если бы он меня покалечил или убил совсем?

— Ну, что ты начинаешь? — развел руками водитель, улыбаясь. — Он побарагозил бы и вышел, первый раз, что ли?

— Первый раз? — вскричала Тамара. — Он мне нос разбил!

— А ты че хотела? — завелся собеседник. — Ты же женщина. Он бы страшного ничего тебе не сделал, потрепал и отпустил. А я-то мужик, я бы вышел, он меня точно убил бы. Что потом жене с детьми делать?

— Мужик? — прищурилась Тома, глядя на лицо Дмитрия. — Говно ты, а не мужик. — Она застегнула пальто. — Пошел на хер!

Домой Тамара шла знакомыми тропами. Жила она в трех кварталах от работы и ходила в депо и из него пешком. Дорога занимала без малого тридцать минут. Сначала путь лежал вдоль забора трамвайного парка, далее через дырку в ограждении из сетки-рабицы можно было проникнуть на школьный стадион, срезав тем самым значительный угол, потом между гаражами, далее мимо ларьков с сигаретами и водкой, запечатанных железными решетками, мимо заплеванных остановок, мимо старых дворов, мимо заваленных мусорных баков, мимо стай бездомных собак, мимо луж, грязи, разрухи и человеческих бед, практически, как у пилигримов Бродского, за минусом того, что Тамара в свое время была комсомолкой, а комсомольцы, как известно, исповедовали атеизм. Прохладный ветер проникал под пальто и водолазку. Нос и губа побаливали. Тома вспомнила лицо пьяного пассажира, представила, что тот мог убить ее, и ей стало жутко. Жутко от того, что было бы дальше. Слишком многое, точнее, многие от нее зависели, и умирать ей ни в коем случае было нельзя. Она остановилась возле киоска и купила поштучно две сигареты на вечер. Через несколько минут женщина подошла к дому – серому, панельному многоэтажному зданию. В клумбах возле подъезда, в местах, где сошел снег, лежали кучи собачьего кала, в самом же подъезде пахло помойкой, кошками и сигаре-

тами. Исписанные стены, на пару с оплавленными кнопками вызова лифта, стали нормой и уже не привлекали внимания. Света в лифте не оказалось, что тоже не было чем-то необычным. Выйдя на шестом этаже, Тамара услышала громкие детские голоса. Она прошла немного и посмотрела вниз по лестнице. На промежуточной лестничной площадке, в сизом облаке сигаретного дыма, сидели на корточках пятеро подростков и звонко смеялись.

— Ребята, вы бы не курили тут, — сделала замечание женщина.

— Че хотела? — отозвался самый бойкий из парней и привстал.

— Ты почему так со мной разговариваешь? — насупилась Тамара.

— Тебя забыл спросить, — нахально отрезал юноша.

Остальные громко рассмеялись. Кто-то затянулся и выпустил дым, кто-то смачно плюнул на стену.

— Вы почему себя так ведете? — как можно спокойнее произнесла Тома, проклиная себя за то, что не прошла мимо, не смогла сдержаться и ввязалась в этот разговор.

— Слышь, тетя, исчезни, — отрезал парень, вставший под хохот остальных подростков.

— Слышь, ты че так базаришь? — резко отрезал еще один из сидевших, встал и подошел к самому бойкому.

— Кто базарит?

— Ты базаришь!

— Слышишь, Васяня, ху…и ты впрягаешься, она тебе кто?

— Я ее знаю. Она у нас в школе техничкой работает.

— И че?

— Че беспределишь?

— Кто беспределит? — бойкий подошел ближе к оппоненту.

Все находившиеся на площадке подскочили и загалдели, началась потасовка. Тамара прошла дальше, открыла дверь и зашла в квартиру. Гул за дверью продолжился, но она не обращала на него внимания. Присев на табурет возле тумбочки, она расстегнула молнию на сапогах и, стянув их с ног, поставила на смятую дырявую тряпку, лежавшую на зашарканном линолеуме. Она почувствовала облегчение, как будто скинула с плеч тяжелый мешок. День был ужасный, хотя прошла только его половина. Снова перед глазами замелькали кадры событий в трамвае: животное лицо пьяного мужика, вонь из его рта и беспомощность. Тома потрогала нос и губу. Ей опять стало жалко себя. Все пережитые эмоции нахлынули снова, и с какой-то удвоенной силой. Но дать себе расклеиться было нельзя. Жалость к себе – путь к отчаянию, а там один шаг до опускания рук. Тома была сильной, вероятно, потому что была очень ответственной. Сложно сказать, откуда у нее появились такие черты. Родилась и воспитывалась она в обычной советской семье, в любви, достатке и уюте. И до серьезных жизненных передряг, таких как развал страны, развод с мужем, смерть родителей, сокращение на работе, безденежье и скитания, характер Тамары уже был сформирован. Когда ей становилось жалко себя, начинался процесс осмысления произошедшего. Тома раскладывала перед собой картинки, аккуратно сгибала их пополам, потом еще и еще, и когда они превращались в небольшие комочки, убирала глубоко в подсознание: бросала в свой чан и накрывала его крышкой.

— Тамара, ты? — донесся из зала старческий женский голос.

Тома выдохнула, встряхнула головой, встала и принялась раздеваться.

— Я, я, Валентина Степановна, или вы еще кого-то ждете? — женщина повесила пальто и заглянула в комнату. — Как у вас дела? Все хорошо?

В комнате, в полумраке, на разложенном диване возле одной из стен, в освещении телевизора, лежала пожилая женщина с редкими, засаленными седыми волосами, накрытая китайским одеялом с изображением амурского тигра. Было громко, шли новости.

— Ой, господи, темень какая. Я забыла вам шторы утром открыть.

— Да ничего, Тамара.

— Может, выключите? — Тома подошла к дивану и качнула головой в сторону телевизора. — Поспите.

— Не надо. Ты слышала, что эти опять натворили? — произнесла Валентина Степановна, перекладывая пульт дистанционного управления из одной бледной, высохшей руки в другую.

— Вам эти новости еще не надоели?

— Состав грузовой подорвали. Он в Хасавюрт шел.

— Господи, когда это все уже закончится? — Тома вздохнула. — Сейчас покормлю вас.

Тамара оглядела лежавшую женщину, убедилась, что ничего с утра не изменилось, и направилась в коридор.

— Как там Василиса? — остановила ее старушка.

— Не смотрела еще, сейчас гляну, — не поворачиваясь, ответила Тамара и вышла из комнаты.

Валентине Степановне было семьдесят девять лет. Она была матерью бывшего мужа Томы. Всю жизнь активная и бойкая женщина проработала в сфере культуры и ушла на пенсию с должности директора дома культуры судостроительного завода, на котором работали Тамара и ее бывший супруг. Муж же Валентины Степановны рано и трагично ушел из жизни — он задохнулся во время пожара на заводе, где работал сварщиком. Далее жизнь женщины протекала без мужского участия, и больше она замуж не вышла. Тому она приняла хорошо и всегда относилась к ней с теплом и любовью. Шесть лет назад Валентина Степановна упала возле подъезда и сломала шейку левого бедра. С тех пор она была прикована к своему дивану, где лежала, смотрела телевизор, медленно увядала и ждала окончания мучений. После перелома Тамара взяла на себя все обязанности по уходу за свекровью. Помощи от мужа не было. Отношения с супругом романтическими назвать было трудно. Тамара его никогда по-настоящему не любила, вероятно, как и он ее. Замуж она вышла случайно. Непонятные и мимолетные встречи закончились беременностью, а потом и женитьбой. Тома родила дочь с серьезными отклонениями и заболеваниями. Все это усугубило взаимоотношения в семье, и муж после длительного развода, оставил Тому без жилья, с ребенком-инвалидом на руках, и ехал в столицу на заработки. Так, с вещами и дочерью Василисой, Тома перебралась к Валентине Степановне.

В тот момент, когда Тамара вышла из комнаты в коридор, зазвонил телефон. Она сняла трубку и присела на табурет.

«Алло, — произнесла Тома, раскручивая провод, тянущийся от трубки к аппарату, — привет, Лена, конечно, в течение часа буду».

Женщина положила трубку и встала. В глазах у нее помутнело, тело повело вправо. Она вытянула правую руку, уперлась в стену и закрыла глаза. Секунд через десять Тамара проверила свое состояние, поводила головой в разные стороны и медленно отодвинулась от стены. Все прошло. Первое, что пришло на ум, что это последствия сегодняшнего удара. Тома провела языком по верхней губе. Боль притупилась и опухоль почти спала. Времени на очередную жалость к себе не было. Она вошла в маленькую комнату, в которой жила с дочерью. В небольшом прямоугольном помещении стояли шкаф и две кровати. На одной из кроватей справа от двери лежала Василиса. Девочка родилась двенадцать лет назад с ДЦП. Благодаря воле и усилиям Томы Василиса развивалась, говорила и даже ходила, правда с посторонней помощью. Но с началом развала в стране не только о школе, но и о нормальном лечении и развитии пришлось позабыть. Дочь росла дома, под присмотром матери и бабушки. Около года назад девочка переболела ангиной. Болезнь протекала очень тяжело, и на ее фоне обострились другие недуги. В конечном итоге Василиса перестала двигаться, говорить и реагировать на окружающих. Она могла глотать и иногда перебирала пальцами левой руки.

Тамара зашла в комнату, подошла к кровати с дочерью, наклонилась, потрогала ее лоб, поцеловала в щеку и погладила по плечу. Если бы Тома верила в бога, она бы задавалась вопросом, за что ей посланы такие лишения, но она в прошлом была комсомолкой со всеми выте-

кающими. Женщина подошла к окну, открыла форточку, постояла некоторое время, проветривая комнату, потом закрыла и пошла на кухню. Времени было мало, нужно было идти в школу. По нечетным дням после обеда Тамара подрабатывала техничкой и мыла в школе полы. Директором школы была ее бывшая одноклассница Лена, точнее Елена Львовна.

Тома открыла холодильник, вытащила кастрюлю с супом, поставила ее на плиту и зажгла газ. Конфорка загудела. Она достала три тарелки, ложки и поварешку. Зачерпнув пару раз из кастрюли, она наполнила тарелку, взяла ее в руку и, глядя в окно, стоя, принялась есть холодный суп. Ей опять вспомнились человек в трамвае, боль, чувства страха и беспомощности. Она проглотила, замерла и громко выдохнула. Доев, Тамара положила тарелку и ложку в мойку, помешала суп, удостоверилась, что он согрелся, выключила газ и наполнила вторую тарелку. Взяв тарелку, ложку и полотенце, она пошла в большую комнату. Кормление Валентины Степановны обычно не занимало много времени, в отличие от кормления дочери. Василису приходилось приподнимать, вливать суп в рот небольшими порциями, придерживать голову, вытирая губы полотенцем.

Закончив с кормлением, Тамара унесла всю посуду на кухню, помыла руки, оделась и вышла из квартиры. Сильный запах сигаретного дыма напомнил о наглых подростках, но на площадке между этажами уже никого не было. Остались только очевидцы произошедшего – валяющиеся окурки и пятна от плевков.

Школа находилась за соседним домом, в десяти минутах ходьбы. Уроки проходили в одну смену, и после обеда в школе практически никого не было. Это нравилось Тамаре: она любила тишину и спокойно терла тряпкой широкие проходы, покрытые классическим разноцветным шлифованным бетоном с гранитной крошкой. Почерневшая деревянная швабра, старая тряпка из мешковины, запах мокрой пыли и тишина. Благодаря подруге – директору школы, Тома числилась на полной ставке, убираясь три раза в неделю после обеда. Но зарплату все равно задерживали. Во время уборки Тамара отдыхала. Она забывалась и отключалась от суровой реальности. Иногда, как маленькая девочка, она мечтала о счастливой жизни, полной ярких красок, безмятежности, любви и счастья.

Вымыв первый этаж, Тома перевела дух, взяла ведро и поднялась на второй. Прополоскав и выжав тряпку, она накинула ее на швабру и подошла к окнам. Мытье полов она всегда начинала с мест под батареями возле окон: там было грязнее всего, валялись различные фантики от конфет, сломанные карандаши и скорлупа от семечек. В этот раз большое пятно под батареей никак не оттиралось. Чем усерднее Тамара его терла, тем больше оно расползалось и становилось темнее. Сначала оно стало больше тряпки, потом тряпка застряла в нем и провалилась вместе со шваброй.

— Как я рад, что вы здесь, — произнес принц.

Лучи света играли на его прекрасном лице и растекались по белоснежным локонам волос.

— Почему именно сейчас? — Тамара сконфуженно начала двигать руками, безрезультатно пытаясь скрыть надетый на себя потрепанный халат для уборки.

— У нас, принцев, свои представления о месте и времени.

— И что теперь?

— Теперь я должен увести вас в свой замок на побережье Средиземного моря, — принц протянул руки вперед и начал приближаться к Томе.

— Прямо сейчас?

— Да, прямо сейчас. Внизу нас ждет корабль с парусами, полными попутного ветра.

Принц подошел вплотную к Тамаре, положил ей руки на плечи, улыбнулся прелестным ртом и медленно опустил голову.

— Оплатить? Ты кому это сказала, тварь? — вырвалось из опущенной головы.

Тамара вздрогнула и попыталась вырваться, но огромные пальцы крепко держали ее за плечи. Волосы на опущенной голове начали темнеть и превращаться в густую волчью шерсть.

У Томы сковало горло, словно плотными тисками. Она не могла произнести ни слова. Голова увеличивалась, уши росли, покрывались шерстью и заострялись в верхней части. Вдруг морда резко поднялась и блеснула грозными, налитыми кровью глазами. Пасть широко раскрылась. Женщину затрясло от необычайного ужаса, она начала терять сознание. Через мгновение огромная морда стала расплываться, как акварель от капли воды.

— Тома! — вырвалось из пасти чудовища. — Тома, твою мать!

Морда расползлась и начала сминаться, словно в пластилиновом мультфильме, обретая знакомые черты. Сначала появились глаза, потом нос, потом маленькие губы. Теперь на Тамару смотрело еще не совсем четкое, но все же лицо Елены.

— Тома, что с тобой? — спросило сформированное лицо директора школы.

— Господи! — Тамара посмотрела по сторонам. Она лежала на бетонном полу, крепко сжимая в руках мокрую тряпку.

— Как себя чувствуешь? Я поднялась на этаж, а ты лежишь без сознания. Я тебя и так, и так, а ты в себя не приходишь.

— Господи, — повторила Тома, поворачиваясь на бок и приподнимаясь.

— Ты не торопись. Спокойно. Может, скорую вызвать?

— Да какую скорую, — Тамара бросила тряпку на пол и вытерла руки об халат, — ничего страшного.

— Ничего страшного? Ты в обморок упала. Может, что-то серьезное.

— Нет, Лена, пройдет. Меня сегодня в трамвае пьяный мужик ударил, наверное, из-за этого.

— Значит, у тебя сотрясение. Точно нужно в больницу. Стой, как ударил?

— Как, как, кулаком. Ну, в какую больницу? А свекровь и дочь на кого? Ты за ними ухаживать будешь?

— Поухаживаю.

— Нет уж.

— А если что-то серьезное, кто потом за ними ухаживать будет? — Елена Львовна сурово посмотрела на синяки под красными уставшими глазами на бледном лице подруги.

— Нельзя мне. Никак, — ответила Тамара, поднимая швабру с пола.

— Тома, на сегодня все. С работой заканчивай.

— Еще целый этаж.

— Я сама домою. Мне твои подвиги не нужны.

— Хм, — улыбнулась Тамара, — вы вообще-то директор, а не поломойка.

— Я вообще-то, во-первых, женщина и полы мыть умею, а во-вторых, подруга твоя, и не ерничай тут, — Елена попыталась состряпать грозную гримасу. — Ну, раз шутишь, значит, не так все и плохо.

Через пять минут женщины сидели в кабинете директора и пили чай.

— Сахара побольше клади, тебе сейчас глюкоза нужна, — Елена пододвинула сахарницу ближе к подруге. — Что произошло в трамвае? Расскажи.

— Да было бы что рассказывать. Пьяный мудак зашел и не стал платить. Я его высадить хотела, а он мне в лицо кулаком заехал.

— Сильно? Вот сейчас вижу припухлость на губе.

— Ну, видишь же, живая сижу, значит, не сильно, — улыбнулась Тома.

— Вот ты все шутишь. А это же ужасно.

— Я понимаю, но ничего не могу с собой поделать. Наверное, мне так легче все это перенести, через шутки, — женщина выдохнула и откинулась на спинку стула.

Кабинет директора был большим и просторным. На окнах, с недавних пор, закрытых снаружи металлическими решетками, висели голубые тюли. Возле дальней стены стоял письменный стол с пристроенным к нему столом для посетителей, за которым сейчас подруги рас-

пивали чай. Еще в помещении были два шкафа: один платяной, а во втором лежали журналы, тетради, конспекты и дела. Возле шкафов стояла кованая вешалка, где висели рабочий халат и пальто Тамары.

— Больно? — произнесла Елена шепотом, наклонившись к Тамаре.

— Больно? Да. Но больше обидно. Только один дед за меня заступился, и то сам получил.

Тома вспомнила глаза Дмитрия в зеркале заднего вида, и ее передернуло.

— Какой ужас, — начала причитать Елена, — какое время, куда мы катимся?!

— Ничего страшного, заживет.

— Сходи завтра к врачу, у вас же там в парке есть.

— Незачем.

— Вот ты упрямая, все-таки. Всю жизнь такая была. Все сама, все одна. Откуда в тебе столько этого?

— От верблюда.

Женщины рассмеялись.

— Я же тебе принесла немного картошки и закрутки, — Елена Львовна встала и подошла к шкафу.

— Спасибо тебе за заботу, — Тома встала и принялась надевать пальто.

— Сама донесешь? — директор достала пакет из шкафа и показала подруге его габариты.

— Донесу.

— Опять все сама, — улыбнулась Елена. — Чая еще хочешь?

— Нет, — Тамара застегнула пальто и взяла пакет, — пойду я.

— Обещай завтра сходить к врачу, — крикнула в след уходящей подруге директор школы.

— Обещаю, — обернулась Тома и лукаво улыбнулась. — Халат же надо в подсобку унести.

— Иди уже, с богом, сама унесу.

— С богом, хм, — прошептала Тамара и вышла из кабинета.

На улице было уже темно, и заметно похолодало. Ветер освежал и выгонял из головы неприятные ощущения. Тамара шла по улицам, пытаясь разглядеть лужи на асфальте, выборочно освещаемом отдельными работающими фонарями и редкими лампами на подъездах. Пакет от Лены был тяжелым, и его приходилось периодически перекладывать из одной руки в другую. В лифте ее дома, как и всегда, было темно, а на мрачной площадке этажа, освещаемой тусклой лампочкой, воняло табачным дымом. Войдя в квартиру, Тома быстро разделась и заглянула в каждую комнату. Все спали. Телевизор продолжал громко о чем-то рассказывать и отбрасывать свет на элементы интерьера. Женщина унесла припасы от подруги на кухню, убрала банки с огурцами и еще какими-то маринованными овощами в холодильник, высыпала часть картошки в мойку и убрала пакет под стол. Достав из холодильника кастрюлю, поставила ее на плиту разогреваться. Теплый суп разлила по тарелкам и направилась кормить ужином обоих своих иждивенцев. После ужина Тамара приступала к наведению вечернего туалета: мыла утки, меняла пеленки, обтирала подопечных мокрыми тряпками и сухими полотенцами. Все вечерние мероприятия обычно оканчивались около десяти вечера, после этого Тамара готовила еду на следующий день и, если оставались силы, занималась собой. Сварив суп с консервированной сайрой, Тома достала две купленные сигареты, положила их на стол, закрыла дверь на кухню и открыла форточку. Усевшись с ногами на стул, она обняла колени и закурила.

Так уж вышло, что Тамара привыкла справляться со всем сама, опираться только на себя и не просить ни у кого помощи. Самостоятельность была еще одной из сильных сторон ее характера. Даже выйдя замуж, ей не пришлось что-то менять в себе. Никакого мужского плеча и поддержки не было. Ее бывший муж вырос нарциссом и эгоистом. По его мнению, он никому и ничего должен не был, и наоборот, все и все были должны ему. В противовес назиданиям

Булгакова, он не ждал, что ему предложат и все дадут, а просил и даже требовал, в особенности у тех, кто сильнее. Обстоятельства не всегда соответствовали его жизненным принципам, поэтому сокращение на заводе он воспринял как личное оскорбление и, наслушавшись своего товарища о возможности реализоваться по-настоящему, уехал за красивой жизнью в столицу. В воспитании Василисы супруг участия практически не принимал, он сторонился ее, не признавал и обвинял в ее проблемах со здоровьем Тамару. Бросив семью и прикованную к постели мать, он спокойно покинул город, никому ничего толком не объяснив. После отъезда и до информации о продаже квартиры никаких вестей от него не было. Он не звонил, не писал, не платил алименты и не помогал матери. Тамара пережила отъезд мужа без особого удивления, как будто зная, что так и произойдет. Она закинула очередную обиду в свой чан, сжала кулаки и, взвалив на себя все заботы, продолжила выживать.

Докурив сигарету, Тома закурила вторую. Дым податливо уносился в черный прямоугольник неба в форточке, оставляя в кухне неприятный запах дешевого табака. Раздался звонок в дверь. Тома вздрогнула и поперхнулась. Она никого не ждала и знала, что никто не может прийти в такое время. Возможно, ошиблись дверью, или пьяный сосед не может найти свою квартиру, а может, что-то случилось и кому-то нужна помощь. Пока женщина размышляла, раздался еще один звонок. Тамара вышла в коридор.

— Кто там? — донеслось из зала. — В такое время.

— Не знаю, Валентина Степановна, — ответила Тома, — сейчас спрошу.

Тамара подошла к двери и посмотрела в глазок. За дверью, в тусклом свете одинокой лампочки, стояли два молодых человека в куртках, из-под которых виднелись рубашки с галстуками.

— Кто? — выкрикнула Тамара.

— Вы хотите жить вечно? — донеслось из-за двери.

— Что?

— Мы свидетели ие…

— Вы время видели? — оборвала женщина. — Вы охренели, что ли? Пошли вон!

За дверью послышались шаги. Люди ушли.

— Кто там? — не унималась бывшая свекровь.

— Снова эти сектанты, свидетели царя гороха, хреновы, — Тамара заглянула в комнату к Валентине Степановне, — вообще из ума выжили. Скоро ночью приходить начнут.

— А что они хотели?

— Ничего они не хотели, — Тома с жалостью посмотрела на освещаемое телевизором лицо старушки, — хотели пожелать вам спокойной ночи, спите.

— Тамара, как там Василиса?

— Нормально, — уходя, через плечо ответила Тома, — выключайте уже телевизор.

Вторая сигарета полностью стлела. Глядя на пепельницу, Тамара простояла около минуты, громко вздохнула, потерла уставшие глаза руками и пошла в ванную.

Глава 2

Ни к какому врачу Тамара не пошла. Кондукторы, в отличие от водителей, не проходили ежедневный медицинский осмотр, а даже если бы и проходили, она бы все равно о своих недугах и вчерашнем обмороке ничего не рассказала. Смена прошла спокойно. Трамвай привычно скрипел, двери стучали, холод заливал вагон, люди заходили и выходили, а в окнах висело серое небо. Все было как обычно, не считая того, что кондуктор каждый раз с тревогой изучала входящих пассажиров и внимательно рассматривала мужчин перед тем, как подойти к ним.

— Все еще злишься? — Дмитрий подошел сзади к Тамаре, когда она подметала салон после возвращения трамвая в депо.

— Уйди, — не поворачиваясь, ответила женщина, — и знай, я больше к тебе никогда не поеду.

— И не надо. А ты знай, я тебе этого никогда не прощу.

— Чего? — Тома повернулась и с удивлением посмотрела на лицо водителя.

— Твоих слов. Про мужика, — Дмитрий возбужденно заморгал глазами, — а то, как потрахаться, да денег взять, так мужик. Как яблок с дачи, так мужик. Как рыбы красной тебе привозил, так мужик…

— Рот свой закрой, мужик, — твердо и уверенно произнесла Тамара.

— Э…, — опешил водитель.

— Я тебе сейчас этим веником по роже дам.

— Я тебе этого никогда не прощу, — пятясь назад, продолжал мужчина, — я тебе, сука, я тебе припомню, я тебе тут работать не дам.

— Ублюдок, — произнесла Тома, глядя на Дмитрия, не понимая, как она раньше не разглядела в этом человеке такой мерзкой дешевизны, — уйди от меня, мне противно с тобой рядом находиться.

Мужчина поднял указательный палец правой руки, резко махнул им, оскалился и, повернувшись, ушел.

Тамара почувствовала головокружение. Она села, взяла себя в руки и сосредоточилась. Потерять сознание в трамвае ей не хотелось. Она уперлась лбом в холодное стекло и закрыла глаза. Если бы она верила в бога, то сейчас бы молилась о том, чтобы не рухнуть на пол в беспамятстве, но она не верила и молиться не умела. Холод подействовал, и стало лучше. По пути домой Тамару посещали мысли показаться врачу, но она усиленно гнала их из головы и, почти возле киоска, где покупала сигареты, заверила себя, что ничего страшного не происходит и скоро пройдет, само собой.

Подойдя к подъезду своего дома, она остановилась и замерла на месте, не понимая почему. Справа от подъезда в клумбе стоял человек в спецовке. Рядом лежали наполненные мусором и кусками черного снега полиэтиленовые мешки. Несколько секунд она тупо смотрела на рабочего, и ее осенило. Тома уже несколько лет не видела, чтобы кто-то наводил порядок не только возле подъезда и во дворе дома, но вообще где-то. Его не наводили на улицах, не наводили на остановках, не наводили в трамвайном парке и даже возле школы, в которой его наводила она. Женщина криво улыбнулась, шагнула вперед и снова застыла. Треснувшая бетонная ступенька лестницы в подъезд освещалась тусклым, но все же солнечным лучом. Небольшой пучок света игриво растекался по бетону. Тамара улыбнулась теперь уже настоящей счастливой улыбкой и, позабыв невзгоды, довольная вошла в подъезд. Выйдя из лифта на своем этаже, Тома увидела стоящего возле двери своей квартиры подростка. Парень повернулся в ее сторону и обрадовался.

— Здрасьте, — сделав шаг навстречу, произнес мальчик.

— Ты кто? — насторожилась Тамара.

— А я в дверь звоню, никто не открывает. Шесть раз позвонил.

— Господи! — женщина бросилась мимо подростка к двери. — Перепугал всех.

— Я…, — хотел что-то сказать парень, но женщина уже открыла дверь быстрыми и резкими движениями ключа и скрылась за ней.

Войдя в квартиру, Тамара прислушалась. Работал телевизор в зале. Она заглянула в комнату к дочери. Василиса лежала неподвижно, глядя в потолок.

— Тамара, ты? — раздался голос Валентины Степановны.

— Я, я.

— Кто-то приходил. В дверь звонили.

— Не разбудили вас? — Тома вошла в комнату к старушке.

Последняя лежала, укрытая одеялом с тигром, в свете от телевизионного экрана.

— Может, почтальон? — не унималась свекровь.

— Угу, заметку, бл…ь, принес про вашего мальчика, — буркнула себе под нос Тамара. — Я опять вам шторы с утра не открыла. Темень, как в склепе.

— Ты слышала, что эти опять сделали?

— Прекращайте уже эти новости смотреть, — Тома присела на диван рядом с пожилой женщиной.

— Они опять взорвали, эти боевики…

Рассказ Валентины Степановны оборвал звонок в дверь. Тамара вспомнила, что на площадке ей встретился какой-то мальчик. Она встала, подошла к двери и посмотрела в глазок. В выпуклом изображении торчала голова парня. Женщина открыла дверь.

— Еще раз спрашиваю, мальчик, ты кто и что тебе нужно? — придерживая дверь, спросила Тамара.

— Я Максим, — широко улыбнувшись, ответил юноша.

— И что тебе нужно, Максим?

— Я хотел сказать, что я разобрался. Я его осадил, — загораясь, начал лепетать парень.

— С кем разобрался?

— Ну, вчера. Ну, который беспределил.

Тамара вспомнила компанию подростков на промежуточной площадке, один из которых вчера нахамил ей. Она посмотрела на Максима, попыталась вспомнить его, но не смогла. Не смогла она вспомнить и лица хама. Вероятно, или не разобрала их физиономий из-за густого дыма, или не придала этому значения.

— Ну, хорошо. Наверное, спасибо. Я очень рада, — безразлично произнесла женщина, понимая, что ей это не интересно и совершенно не важно. Важно сейчас было накормить домочадцев и сменить пеленки. — И что ты хочешь?

— Ничего, — опешил подросток, явно не ожидавший такой реакции. — Я же разобрался.

— Еще раз спасибо тебе. — как можно мягче, с неискренней улыбкой произнесла Тамара. — Ты уж извини, мне тебя даже отблагодарить нечем.

— Вы че, не надо ничего, у меня все есть.

— Все есть? — Тома задумалась, глядя на мальчика, и некоторое время помолчала. — Хорошо тебе. А вот у нас ничего нет.

— А что вам надо? Может, что-нибудь принести? — наивно улыбаясь, спросил молодой человек.

— Знаешь что… Максим? Правильно? Так вот, Максим, спасибо тебе за то, что разобрался. Конкретно от тебя нам ничего не надо. А теперь прости, пожалуйста, мне нужно домашними делами заняться, — Тамара потянула на себя входную дверь за ручку.

Ручка вдруг потекла сквозь пальцы, как растопленный воск. Дверь покосило вправо, неестественно выгнуло вовнутрь, залило различными красками и яркими вспышками.

Тамара открыла глаза и огляделась. Она лежала на полу в коридоре. Рядом сидел Максим и внимательно смотрел на нее. На лбу Томы лежало мокрое полотенце и создавало приятную прохладу.

— Я долго валяюсь? — начала Тамара.

— Минуты три.

— Так, давай по порядку.

— Че тут давать. Вы дверь потянули и упали. Я вам полотенце приложил, и вы глаза открыли.

— И всего-то, — посмотрев на мальчика, улыбнулась женщина.

В этот момент она почувствовала симпатию к парню. Внимательно рассмотрев его лицо, Тома пришла к выводу, что он привлекательный, с яркими чертами лица, и из него вырастет очень красивый мужчина. Максим был высоким, худым парнем с тонкими губами, острым носом и большим подбородком. На лбу и правой щеке имелись свежие шрамы. Голова была подстрижена коротко под машинку, по дворовой моде. Кроме природной привлекательности, Тома уловила во внешности мальчика что-то доброе, справедливое и надежное. Наверное, даже не во внешности, а в его взгляде и мимике.

— Ну раз так, давай знакомиться, спаситель мой. Тамара Васильевна, можно тетя Тома, — женщина подала руку Максиму.

— Я знаю.

— И откуда?

— Вы у нас в школе техничкой работаете, я видел.

— Так занятия же до обеда? А, впрочем, какая разница, — Тамара начала приподниматься, — ты за мной следишь? — она опять улыбнулась.

— Нет. Мне про вас трудовик говорил.

— Еще интереснее стало. Меня трудовик со школьниками обсуждает. Боюсь подумать, о чем был разговор.

— Он вам дверь чинил в бытовку. А пацаны из класса помогали.

— А, ну теперь все понятно. Чая хочешь? — Тома встала и закрыла дверь.

— У вас это.

— Что это?

— Под носом.

Тамара сняла сапоги и пальто и направилась на кухню. По пути женщина зашла в ванную и посмотрела в зеркало. Из правой ноздри на верхнюю губу вытекла кровь. Небольшая капля чернела на водолазке в районе груди. Тома недовольно закатила глаза, подумала о походе к врачу, смыла кровь, передумала и настроила себя на то, что все пройдет. Приглядевшись, она заметила, что следов вчерашнего рукоприкладства не осталось. Припухлость на губе спала. На рассматривание себя времени не было, иждивенцы нуждались в еде и уходе. Теперь нужно было еще поить чаем этого мальчика. Плитка, кастрюли, чайник, тарелки, поварешка, ложки… Все одно и то же. За исключением. Тамара замерла, глядя на солнечный свет, падавший лучом из окна на стол. Казалось бы, обычный, но такой яркий и нежный, такой давно не виданный и приятный. В память пришло отражение в зеркале с кровью под носом. Тамара на миг испугалась. Мурашки покрыли ее плечи. Воображение рисовало самые страшные варианты событий, вплоть до летальных. Но умирать было нельзя. Слишком многое, точнее, многие, зависели от Тамары. Она еще раз взглянула на солнечный свет, лежавший на столе, и мрачные мысли растаяли, как сахар в чае, который она помешивала ложкой.

Раздался сильный грохот и пронзительный крик. Этот голос Тамара почти забыла. Раньше таким голосом говорила, кричала или пищала Василиса.

Женщина бросила кружку с чаем и рванула в комнату, где лежала дочь. Вбежав в помещение, она увидела Максима, сидевшего на полу с Василисой на руках, которая испуганно смотрела на мать, активно махала правой рукой в ее сторону и громко кричала: «Ма, ма, ма!».

— Ты что сделал? — Тома злобно крикнула на мальчика, подбегая к детям.

Она некоторое время кружила над ними, как орел, не зная, что делать. Максим сидел с виноватым лицом, придерживал Василису и водил глазами, глядя на перемещения «хищной птицы».

— А ну-ка дай, — собравшись с мыслями, Тома остановилась, наклонилась и, просунув руки под ноги и спину дочери, подняла ее и положила на кровать.

— Она че, инвалид? — спросил Максим, продолжая сидеть на полу. — Я с ней поговорить хотел, а она не говорит и не двигается.

— Тебе кто разрешил в комнату войти? — бурчала женщина, укладывая дочь. — А?

Тамара трогала девочку, проверяя, не сломала ли она что-нибудь.

— Да я это…

— Что, бл…ь, это? — резко прервала Максима Тома. — Кто тебе право дал заходить в комнату и трогать ее, а? Ты вообще откуда взялся в моей жизни, а? Что тебе надо? Ты вообще зачем пришел?

— Я хотел сказать…

— Сказал? Да? Уходи.

Максим встал и с обиженным лицом медленно побрел в коридор.

Беглое обследование тела дочери переломов не показало. Девочка двигала рукой, хватала мать за предплечье, водила глазами и уже не кричала, а, немного успокоившись, часто повторяла «ма». Только сейчас, когда Тома удостоверилась в отсутствии травм у Василисы, она замерла и посмотрела на лицо дочери.

— Господи! — Тамара широко улыбнулась и прикусила нижнюю губу. — Боже ты мой.

Женщина наклонилась к девочке и начала радостно целовать ее лицо. В коридоре послышались щелчки открывающегося замка. Тамара оторвалась от лица Василисы и повернула голову. Максим, сгорбившись, тихо и медленно, как вор-домушник, открывал дверь.

— А ну-ка стой! — прикрикнула Тома вполголоса.

Мальчик замер и обернулся.

— Ты как это сделал? Точнее, ты что вообще сделал?

— Ничего я не делал, — парень обиженно развел руками.

— Иди сюда.

Максим неуверенно пошел в комнату.

— Обувь сними, — остановила его женщина, — и дверь закрой.

Максим вернулся в прихожую, закрыл дверь и присел на колено, чтобы расшнуровать ботинки.

— Кто там пришел? — донеслось из комнаты свекрови.

— Тот, чьи свидетели вчера заходили, — крикнула в потолок Тамара. — Хм…, — она улыбнулась, — навел же ты шороха в нашем сонном царстве, Макс.

— Че? — мальчик повернулся, снимая второй ботинок.

— Ничего. Ты по воде не ходишь?

— Че? — округлил глаза парень.

— По воде, говорю. Шлеп, шлеп, — рассмеялась женщина, — да сними ты уже этот ботинок и зайди в комнату.

Максим снял обувь, аккуратно поставил возле входной двери, прошел в комнату, встал посередине, повернулся в сторону Томы и принял вид экзаменуемого двоечника. Тамара гладила дочь по руке и смотрела на парня. Он стоял в круге солнечного света, лившегося из щели между шторами, окружаемый блеском мерцающих крохотных точек.

— Господи, что у нас так пыльно? Ужас! — всплеснула руками женщина и направилась за ведром и тряпкой.

Наполнив ведро и прополоскав висевший на ванне старый кусок мешковины, Тома подняла голову и посмотрела в зеркало. Довольная улыбка растеклась по ее лицу. На миг она позабыла все, что с ней произошло за последние два дня. Ее мысли занимали дочь и непонятно откуда взявшийся в ее жизни Максим.

Войдя в комнату, Тамара увидела Максима, стоящего возле Василисы, которая двигала рукой, хватаясь за воздух, и пыталась улыбаться.

— Так, ну на сегодня чудес хватит, а ну-ка отойди, Макс, я полы протру. Сможешь форточку открыть?

— Ща, — парень быстрыми движениями раздвинул шторы, повернул засов и распахнул форточку.

Женщина привычными движениями за несколько минут вымыла и вытерла пол насухо.

— Ну вот и все, пойдем теперь все-таки чай пить.

— Да че я? Я, наверное, домой пойду.

— Ну уж нет, я тебя чаем напою. Сейчас глянем, у меня вроде бы где-то варенье было, хотя, может и нет. Пошли.

— А кто там? — спросил мальчик, качнув головой в сторону комнаты свекрови.

— Еще одна моя лежачая родственница, — подмигнула Тома в ответ.

— Мама ваша?

— В каком-то смысле раньше была.

Оставив Максима переваривать сказанное, Тамара прошла в комнату к Валентине Степановне.

— Кто пришел? — приподнимаясь, спросила старушка, трогая засаленную седину на голове.

— Почтальон Печкин. Принес заметку про вашего мальчика, — пошутила Тома. — У вас все нормально?

— Почтальон? — переспросила Валентина Степановна, явно не оценив шутку.

— Сейчас я его чаем напою и вас покормлю.

Через несколько минут Тамара и Максим сидели на кухне за столом. В кружках дымился чай, в тарелке лежали куски нарезанного хлеба, рядом стояла розетка с вишневым вареньем, привезенным Дмитрием с дачи прошлой осенью.

— Тетя Тома, — нарушил неловкую тишину мальчик, — че с ней?

— С кем?

— Ну, с девочкой.

— Ее Василиса зовут, дочь моя. Тебе сколько лет?

— Четырнадцать.

— Твоя ровесница. Почти. Ей двенадцать.

— Она болеет? — Максим поставил кружку на стол и внимательно посмотрел на лицо женщины.

— Она такой родилась. Ну, не совсем такой, раньше лучше было.

— В натуре? И че, это не лечится?

— Господи, кто тебя говорить учил?

— А че? — обиделся парень.

— Да ничего. Вы, молодежь, сейчас разговариваете, извини меня, как собаки. Где вы этому набрались?

— Так все пацаны у нас на районе говорят.

Тамара встала и подошла к окну.

— Знаешь, я до сегодняшнего дня думала, уже не лечится. А вот теперь думаю, стоит попытаться полечить.

Максим ничего не понимал. Ребусы, которыми оперировала Тамара, в его юном, радикальном сознании, где все разложено только на «да» и «нет», без промежуточных, обтекаемых вариантов, совершенно не складывались.

— Ты мне лучше о себе расскажи.

— А че я. Ну…, — затянул юноша.

— Фамилия у тебя есть?

— Савченко, — четко выпалил парень.

— Так, Максим Савченко, уже лучше. Про школу все ясно, про район и друзей твоих тоже.

— Вы про тех? — оборвал Максим. — Какие они мне друзья?! Беспредельщики в натуре. Я с ними не общаюсь.

— Тебе бы лучше с ребятами начать общаться, которые разговаривать нормально умеют.

— Че вы опять? Нормально говорю. Так все у нас говорят.

— Ясно, — Тамара села и сделала несколько глотков из кружки. — Ты чего варенье не ешь? Или у вас, у которых все есть, такое не едят?

— Тетя Тома, — парень сделал серьезное лицо, — че вы так со мной? Я же не мальчик.

— О как, мужичок с ноготок.

— Короче, — Максим встал, — пойду я.

— Ладно, ладно. Не обижайся. Не буду больше. Сядь.

— Я вас объедать не хочу. Вижу же, что небогато живете.

— Небогато, зато честно. Ешь варенье, не умрем мы с голоду, обещаю.

Несколько минут на кухне было тихо. Молодой человек кусал хлеб с вареньем и запивал чаем. Тома смотрела на него и размышляла, как в таком, по сути, еще маленьком человеке уже столько взрослого. Серьезные мужские качества и детское прыщавое лицо. Еще юные, но такие серьезные глаза. От Максима веяло какой-то силой и надежностью. Непосредственность и напор, решительность и самообладание – и все это в этом еще совсем ребенке.

— А родители у тебя чем занимаются? — не отрывая взгляда от лица жующего парня, спросила Тамара.

— Отец работает в фирме. А мамы нету. Умерла. Давно. Восемь лет назад. Я ее не помню. С отцом, короче, живем, — как-то напряженно и не поднимая глаз, ответил Максим.

— Хм, извини, если лишнее спросила.

— Да не парьтесь.

Тома улыбнулась.

— А это, — продолжил мальчик, — а вы че упали в коридоре, тоже болеете?

— Нет, — не желая вдаваться в подробности, ответила Тома, — ударилась недавно головой, наверное, сотрясение.

— У меня было пару раз, — воодушевился Максим, — на боксе. Мне тренер дал таблетки какие-то, помогают быстро. Хотите, принесу?

— Ты еще и боксом занимаешься? Молодец какой. А чего куришь тогда?

— Все курят, и я курю. На районе все пацаны курят. Только лохи не курят.

— Эх, Максим, Максим, когда-нибудь ты поймешь, что лучше бы не начинал. Лохи? Это кто?

— Ну, эти, которые, — парень замешкался, формулируя определение, — ну ходят там, короче, сопли жуют.

— Ааа, поняла, поняла, это слабые ребята. И что вы с ними делаете?

— Да че, ну, это, ну много че, — растерялся Максим.

— В общем, задираете, да?

— Ну и это тоже.

— А чего ж ты за меня вступился? Вы ж на меня задирались, значит, я лох?

— Вы че городите? — закипел парень. — Вы не лох. Я вообще за справедливость, чтобы беспредела не было.

— Это как?

— Да че как? — еще сильнее зажегся Максим. — Женщин трогать нельзя.

— Не кричи, у нас тут сонное царство, у нас громкие звуки не приветствуются.

— Если человек честно живет, — заговорил шепотом мальчик, — его нельзя трогать. Если у человека ничего нет — у него ничего нельзя забирать.

— Так вы что-то у людей забираете?

— Бывает.

— Я не общаюсь с бандитами, — театрально произнесла Тома и, наклонив голову, подперла ее рукой.

— Я не бандит.

— Я так считаю: если человек что-то берет у другого без его ведома, то он вор, а если забирает — бандит.

— А если, — Максим замер, потом продолжил, — если я не буду больше, будете со мной общаться?

— Ну, — Тамара решила сыграть в начатую парнем игру, — ну, если слово дашь, буду.

— Отвечаю.

— Что это значит? Это так слово даешь?

— Да.

— Ох, ох. Бедный русский язык.

— Спасибо, — парень сделал последний глоток и поставил кружку на стол. — Теперь точно пошагаю.

Тамара проводила Максима в коридор, молча понаблюдала, как тот надевает ботинки и куртку.

— Ну, я пойду.

— Иди. Спасибо тебе.

— За что?

— За то, что заступился. Да и вообще за все.

— Да че я, — смутился мальчик. — Таблетки принести?

— Ну, принеси, если хочешь.

— Завтра с утра принесу.

— Я очень рано на работу ухожу, в пять утра.

— В пять принесу.

— Будет тебе, — улыбнулась женщина, — ты еще таблетки в такую рань не носил.

— Принесу, — серьезно ответил парень, развернулся и открыл дверь. — До свидания.

После ухода Максима Тома покормила обедом домочадцев и сменила пеленки. Она долго сидела возле дочери, радостно наблюдая, как та двигает рукой, кривит лицо, водит глазами и повторяет «ма… ма… ма…», когда Тома гладит ее по лицу и шее. Тамара поймала себя на мысли, что давно смирилась с состоянием дочери и перестала пытаться что-то улучшить, лечить ее и восстанавливать. Да и повода не было. Ребенок превратился в «овощ», и казалось, лучше уже никогда не будет. Но после сегодняшних событий, в которые и верилось с трудом, появились надежда и цель. Она села на колени и вынула из-под кровати дочери коробку. Перебрав внутри несколько записных книжек, достала тетрадь со старыми записями рекомендаций врачей по терапии, гимнастике и массажу. Во время чтения в памяти стали появляться картинки с Василисой в разные годы ее детства: движения рук, улыбка, шаги с помощью мамы и игра на детском пианино. Девочка играла пару мелодий по нотам. Мелодично, насколько

это было возможно с ограниченными и резкими движениями, но все же играла музыку. Тома вытащила из коробки красный детский игрушечный рояль с надписью белым цветом «Жаворонок» и нажала на несколько клавиш. Звуки нот разлетелись по комнате. Василиса насторожилась, а потом начала водить глазами и быстро повторять «ма...». Тамара встала и, придерживая инструмент, положила руку дочери на клавиши. Девочка начала бить по клавиатуре, высекая громкие, обрывистые звуки, и, как показалось Томе, улыбалась. Захлестнули воспоминания: приятные и грустные мелочи, тревоги и волнения, радости и горести, связанные с Василисой, с ее появлением, диагнозом и лечением. Принять факт рождения больной дочери-инвалида было непросто, но сильное материнское чувство все преодолело. Тома любила ее и отдавала ей все свои силы. Несмотря на страшный диагноз, Тамара, как мать, хотела для дочери лучшего и мечтала о том, что когда-нибудь она выздоровеет, а потом добьется больших высот, и ее жизнь будет отличаться от жизни матери, в которой нет ни грамма волшебства. Тома не помнила, кем в детстве она хотела стать, когда вырастет, но в юности мечтала заниматься музыкой. С музыкой у Тамары ничего не получилось. После рождения Василисы по ночам ей снилось, что дочка исполнила нереализованную мечту ее жизни и стала пианисткой. В ее снах Василиса в красивом строгом вечернем платье выходила на огромную сцену перед большим, покрытым мраком залом, полным зрителей, садилась за рояль и в свете софитов начинала играть. Музыка поднималась из-под крышки, клубилась, вращалась, пенилась и потоком стекала в зал, где люди замирали, чтобы нечаянными движениями не разбить эту волну. А когда она заканчивала играть, воцарялась тишина. Надолго, на несколько минут. И только потом зрители, очнувшись от сладкого блаженства, начинали аплодировать. Однажды Тамара рассказала о своем желании занять дочь музыкой мужу. Он отреагировал холодно: говорил о пустых тратах денег на дорогой инструмент, о том, что необходимо заниматься лечением и развитием двигательного аппарата ребенка, обвинял в фантазерстве, несерьезности и безответственности. Несмотря на позицию супруга, Тома, втайне от него, купила детское игрушечное пианино и уговорила соседку учить Василису читать ноты. Дочь с радостью принялась нажимать клавиши и довольно быстро освоила нотную грамоту. Несколько раз в неделю Василиса играла на фортепьяно соседки, а вечерами, до прихода домой отца, вместе с мамой практиковалась на «Жаворонке». Со временем все сошло на нет. Отсутствие денег на лечение сказалось на состоянии Василисы. Двигаться она начала все хуже и хуже и уже не могла четко попадать по клавишам и выдерживать такт. Соседка с фортепьяно осталась в другом доме. Больше заниматься музыкой не было ни времени, ни возможности.

Тома подняла руку дочери, и положила на живот, опустила рояль в коробку и задвинула ее под кровать. Поцеловав Василису, она погладила ее по руке и пошла в комнату свекрови. Время было вечернее, и комнату старушки наполняли звуки новостной телевизионной программы.

— Как там Василиса? — оторвавшись от экрана, спросила престарелая женщина.

— Хорошо. Представляете, сегодня заговорила, начала рукой двигать. Чудо какое-то, — принялась рассказывать Тамара, осознавая, что этот пожилой человек давно уже не слушает и не понимает, о чем она говорит.

— Ты слышала, что они опять натворили, боевики эти?

— Нет, не слышала, расскажите, — Тома обреченно села рядом и замолчала.

— Опять засаду устроили…

Теперь Тамара не слушала бывшую свекровь. Она свыклась, что женщина, лежащая на кровати совсем рядом с ней, уже совсем рядом с тем светом. Ее было жалко. Но угасание Валентины Степановны протекало медленно и как-то привычно, и поэтому не вызывало сильных душевных потрясений. К тому же за годы знакомства и жизни с ней Тома так ее и не полюбила. Доброе отношение свекрови сформировало у Тамары уважение, но не любовь. Со временем появилось чувство ответственности за жизнь старушки и привычка, что рядом есть

какой-то один из немногих, пусть и не родной по-настоящему, но близкий человек. Раньше это была интересная и умная женщина. Ее режиссерский талант проявлялся не только в доме культуры, но и во всех, даже самых бытовых сферах жизни. Напористая и пробивная, при этом изворотливая и деликатная, она была прирожденным педагогом и воспитателем. Советом и делом Валентина Степановна многим помогла и многих направила на верный путь. Но, к удивлению, правильно воспитать сына не вышло. Томе вспомнился диалог, который произошел по возвращении ее из столицы после развала страны. Свекровь была в гневе и ужасе.

— Все рухнуло, — в сильном возбуждении говорила она, трогая пуговицу на блузке, — все, к чему мы шли и чему нас учили, все рухнуло, понимаешь, Тамара?

— Так уж и рухнуло? — не воспринимая разговор всерьез, иронично отвечала Тамара.

— Ты не понимаешь, все, что сейчас есть, этого скоро не будет. Не будет, я тебя уверяю.

— Чего не будет?

— Ничего не будет. Людей, которых ты знаешь, не будет, мест, которые ты любишь, не будет, ничего не будет, — задыхаясь, твердила Валентина Степановна, — конец.

— Куда люди денутся? — с улыбкой спрашивала невестка. — Умрут, что ли?

— Они будут такими же, но перестанут быть прежними.

— Я вас не понимаю.

— Вот увидишь. А кого-то точно не станет, таких как я.

— Валентина Степановна, я вас не понимаю. Что вы там увидели?

— Я увидела глаза людей, которые прокляли прошлое и теперь проповедуют еданизм.

— Гедонизм?

— Нет! Теперь они продадут все за вкусную иностранную конфетку.

— Кто они?

— Все! А кому нечего будет продавать, будут побираться и смотреть в рот тем, кто готов будет их купить.

Сеанс воспоминаний Тамара закончила, сидя на кухне и обнимая колени. Сейчас, переосмыслив слова свекрови, она поняла, что они оказались пророческими. Первая вечерняя сигарета была давно выкурена. Вторую Тома долго вращала между пальцев, раскладывая в мыслях прожитый день на картинки, сминала их и бросала вариться в свой чан.

Проснулась Тамара, как обычно, за несколько минут до звонка будильника. Привычно встала, привычно разбудила и покормила своих лежачих, привычно собралась на работу. Стоя в прихожей, она застегнула пальто, и не глядя, подняла руку к вешалке, чтобы взять сумку. Сумки не оказалось. Тогда она подняла голову и в тусклом свете настенного светильника оглядела пустую вешалку. Тамара прислонилась к стене спиной и медленно опустилась на пол.

«Господи, — женщина схватила себя за голову, — вот тебе и мужичок с ноготок. Дура наивная!»

Стало обидно до глубины души, больно и мерзко. Дело было даже не в сумке. В ней не было ценностей, денег и чего-то важного, не считая старой губной помады и пропуска в трамвайный парк. Помадой женщина практически не пользовалась, а пропуск можно было восстановить за несколько минут. Свои небольшие деньги Тома носила в кармане пальто. Да и сама сумка была старая и поношенная, и бралась скорее по привычке и на всякий случай. Обманул. Какой-то мерзкий подросток. Так быстро втерся в доверие и легко усыпил бдительность.

«Сволочь малолетняя. Сукин сын!» — вырвалось у женщины.

Времени горевать не было: опаздывать на работу было нельзя, трамваи выезжали по расписанию. Поднявшись, Тома отряхнула пальто, поправила волосы, взяла ключи и открыла дверь. Прямо за дверью, на площадке, в полумраке стоял Максим.

— Где сумка, бл…ь? — злым шепотом гаркнула Тамара.

— Вот! — удивленно ответил парень, показывая на сумку, лежащую на полу в коридоре, возле тумбочки, рядом с ногой Томы.

Тамара опустила голову и замерла.

— Господи, — у женщины сперло дыхание и закололо в груди, — сумасшедший дом.

— Вот! — инициативный доставщик медикаментов вынул из кармана и протянул пакет. — Таблетки.

Глава 3

Холодное весеннее утро отдавало легкой свежестью. В этот период года светало поздно. Темно было, когда Тамара шла на работу, приходила в парк и даже когда трамвай выходил из депо на маршрут. Тома любила мрак раннего утра. В эти часы было спокойно и, по ее мнению, безопасно. Утренняя темнота, в отличие от вечерней, была безобидной. Бандиты и всякая шпана или еще спали, или уже спали. Стаи дворовых собак тоже не отличались особой активностью, лишь изредка самые стойкие из них перекидывались на расстоянии вялыми и сонными обрывками лая. Темнота скрывала недостатки, скрывала грязь и мусор, разруху и повсеместный упадок. Частично освещаемые здания и улицы, видневшиеся лишь очертаниями, казались ровными и опрятными. Темнота скрывала то, чего Тамара иногда стеснялась. Во мраке невозможно было рассмотреть потертости на ее изношенных старых сапогах и пальто. Кто-то мог себе позволить обновки, но не Тома. Зарплату задерживали, но даже когда давали, ее хватало, чтобы свести концы с концами: продукты, сигареты, бытовые мелочи. Сапоги и верхняя одежда в списках не значились.

Тамара шла по знакомому маршруту и размышляла. В окутывающей мгле и прохладе раннего утра как-то особенно и легко думалось, а иногда даже мечталось. Ее мысли были о странном Максиме, который непонятно как появился в ее жизни, о дочери, на которой еще недавно она поставила крест, о дружбе с Еленой, о свекрови, о головокружениях и обмороках. Тома вспомнила о таблетках, которые принес мальчик, нащупала их в кармане и улыбнулась, а потом ей пришли на ум поиски сумки, и она чуть не рассмеялась. Не зря говорят, что от любви до ненависти один шаг. Какие все-таки люди интересные существа! Могут придумать что-то и вмиг поменять мнение о человеке, в котором были уверены, с которым дружили, которого уважали или даже любили. Глупая и надуманная мысль, как яд, молниеносно убивает все самое хорошее, в сущности, без причины и условий. Если все разрешается и заканчивается хорошо, становится стыдно от нелепости своих мыслей. Если же не разрешается, то рушится на пустом месте. Абсурд.

Погруженная в свои думы, Тома не заметила, как оказалась на проходной трамвайного парка. Скрип металлической двери вернул ее в реальность. Привычный турникет, свет тусклой лампы в узком проходе и сонное лицо вахтера – с этого начинался каждый рабочий день. Тамара поздоровалась, махнула пропуском и зашла на территорию. Припомнился последний разговор с Дмитрием. Видеть его не хотелось, но ничего не оставалось, работали они в паре. Всю смену они молчали и не обращали внимания друг на друга. Работа прошла спокойно. Утреннюю давку сменила предобеденная пустота. И к концу смены вагон, как обычно, скрипел по рельсам почти пустой. Тамару возмущало, что она не могла найти в себе силы смело смотреть в зеркало заднего вида водителя, где мелькали его противные глаза, будто бы именно она в чем-то виновата или ей за что-то стыдно. Странное и неприятное чувство сопровождало ее всю дорогу.

После возвращения трамвая в депо Дмитрий молча вышел и растворился в парке. Тома, как обычно, сходила за инвентарем, навела порядок в вагоне, после чего направилась сдавать деньги и билеты. Все эти процедуры происходили на втором этаже центрального административного здания возле проходной. Тамара прошла по парку, открыла деревянную дверь, притягиваемую обратно мощной пружиной, прибитой на гвозди в верхней части, и вошла в строение. На второй этаж вела широкая лестница с кривыми перилами. Стены вдоль лестницы были побелены и до середины снизу окрашены ядовито-зеленой краской. В отдельных местах, где штукатурка осыпалась, имелись следы ремонта с применением зеленой краски иного оттенка, а в некоторых случаях – коричневой. Пахло пылью, старым дерматином и креозотом.

На втором этаже стены были окрашены по такому же принципу, но уже краской ядовито-синего цвета. Вдоль стен справа и слева тянулись двери с различными облезшими табличками и объявлениями на тетрадных листочках. Часть дверей в помещениях была открыта. На стенах между дверями висели информационные стенды с желтыми листами инструкций, графиков, алгоритмов и образцов заявлений. На некоторых ватманах с загнутыми от времени краями висели фотографии трамваев и чьих-то лиц. Крупные буквы в названиях были выведены широким пером бордовыми чернилами. Местами стенды отсутствовали, а на их месте имелись не побеленные известью прямоугольники. Тамара прошла три двери и зашла в четвертую. В помещении за потрескавшимся лаковым столом, в окружении стопок бумаг, сидела грузная женщина с засаленными волосами в толстом вязаном свитере с широким горлом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.